

Обзорный реферат по творчеству Ф.И. Тютчева

ПЛАН

1. Вступление.
2. Краткие биографические данные.
3. Творческий путь великого поэта.
4. Ф.И. Тютчев и его современники.
5. Заключение.

Федор Иванович Тютчев (1803-1873 гг.)

Особенности судьбы и характера Ф. И. Тютчева (1803—1873) определили непропорционально замедленное распространение его известности не только среди широкой читающей публики, но и среди литераторов-современников. Лев Толстой вспоминал, как в 1855 году “...Тургенев, Некрасов и К° едва могли уговорить меня прочесть Тютчева. Но зато когда я прочел, то просто обмер от величины его творческого таланта”. А ведь Тютчев к тому времени уже четверть века печатался. И тем не менее честь “открытия” Тютчева принадлежит Н. А. Некрасову, в 1850 году обратившему внимание читателей “Современника” на стихи уже немолодого поэта, которые он в своей статье приравнивал к лучшим образцам “русского поэтического гения”.

Федор Иванович Тютчев родился 23 ноября 1803 года в родовом имении Овстуг Брянского уезда Орловской губернии. Домашнее воспитание его направлялось самозабвенно преданным литературе поэтом С. Е. Раичем, который вспоминал о своем ученике: “По тринадцатому году он переводил уже оды Горация с замечательным успехом”. В Московском университете Тютчев слушал лекции известного словесника А. Ф. Мерзлякова, который и представил юного поэта в Общество любителей российской словесности.

По окончании университета Тютчев поступает на дипломатическую службу и весной 1822 года покидает родину, чтобы вернуться лишь через 22 года. За границей (в Мюнхене, затем в Турине) он живет вне русской языковой стихии, к тому же обе жены поэта (На чужбине Тютчев женился, овдовел, женился вторично) были иностранками, не знавшими русского языка. Французский язык был языком его дома, его службы, его круга общения, наконец, его публицистических статей и частной корреспонденции. По-русски писались только стихи.

Изредка стихи Тютчева появляются на страницах русских периодических изданий, но это обычно журналы и альманахи второстепенные, малочитаемые (“Уrania”, “Галатей”). Только в 1836 году целую подборку его стихов, правда, подписанных не полным именем, а инициалами Ф. Т., напечатал в своем “Современнике” Пушкин. На них обратили внимание такие знатоки и ценители поэзии, как В. А. Жуковский, П. А. Вяземский, И. В. Киреевский.

Вернулся в Россию Тютчев в 1844 году. Это было время, неблагоприятное для поэзии. После смерти Пушкина, Лермонтова казалось, что “золотой век” русской поэзии завершился, да и в обществе ощутимы были новые веяния, отвечала которым не лирическая поэзия, а “положительная” проза. Все меньше печатается стихов, как будто бы спадает интерес к поэзии. Впрочем, Тютчев никогда не стремился стать профессиональным литератором: издателям и поклонникам его творчества приходилось всякий раз уговаривать его дать стихи для печати. В 40-е годы Тютчев не печатается почти десять лет, естественно, помнят его лишь малочисленные почитатели. И только в 50-х годах Некрасов и Тургенев как бы извлекают стихи Тютчева из небытия, опубликовав большую подборку их в “Современнике”. В 1854 году выходит в свет первый поэтический сборник Тютчева, а второй—он же последний прижизненный — в 1868 году.

Незадолго до возвращения на родину, вспоминая свою московскую юность, Тютчев писал

родителям: “Не подлежит сомнению, что будь я еще на этой исходной точке, я совсем иначе устроил бы свою судьбу”. Мы не знаем, что имел в виду поэт, но дипломатической карьеры он не сделал. Однако вовсе не из-за отсутствия интереса к политике — напротив, внешнеполитические вопросы всегда составляли один из главнейших интересов в жизни Тютчева. Свидетельства тому—его публицистические статьи, его письма, воспоминания современников. Россия, ее положение в мире, ее будущее—предмет неослабного внимания, беспокойного и глубоко личного интереса Тютчева: “Думаю, что невозможно быть более привязанным к своей стране, нежели я, более постоянно озабоченным тем, что до нее относится”. Поражение России в Крымской кампании 1855 года было воспринято поэтом как личная катастрофа и заставило его пересмотреть отношение к Николаю I и всему 30-летнему правлению этого “царя лицедея”, человека “чудовищной тупости”.

Внутриполитические взгляды Тютчева были вполне традиционны, однако принцип просвещенного самодержавия, согласно его взглядам, должен был удовлетворять, в сущности, идеальным условиям, а именно: государственные чиновники не должны чувствовать себя самодержцами, а царь —чиновником. За 70 лет жизни Тютчева сменились три царя, и ни одно реальное царствование *чаянием поэта не отвечало — об этом можно* судить по многочисленным его едким критическим высказываниям. Оставались смутные упования: “В Россию можно только верить”, упования, основанные на убеждении, что судьбу России решит не “пена, плавающая на поверхности”, а те могучие, невидимые силы, которые пока “таятся в глубине”. Тютчев и “мел прекрасную возможность вблизи наблюдать за деятельностью государственной машины — ведь он до конца своих дней находился на государственной службе (сначала старшим цензором при Министерстве иностранных дел, а последние пятнадцать лет — председателем Комитета цензуры иностранной). Кроме того, звание камергера налагало на него обязанность бывать при дворе. Взгляд Тютчева на положение дел внутри страны с течением времени становится все более пессимистическим. “В правительственных сферах бессознательность и отсутствие совести достигли таких размеров, что этого нельзя постичь, не убедившись воочию”,—вынужден признать он на склоне лет.

Итак, политика, общественные интересы глубоко волновали Тютчева — государственника и дипломата: “Часть моего существа отождествилась с известными убеждениями и верованиями”. Этой “части” обязаны своим появлением на свет политические стихи Тютчева, в большинстве своем написанные “по случаю” и в согласии с его принципом “смягчать, а не тревожить” сердца “под царскою парчою”. Стихи эти значительно уступают в силе и художественности лирическим его произведениям, которые рождались из таинственных родников, сокрытых в глубине души.

Истинное величие Тютчева обнаруживается в его лирике. Гениальный художник, глубокий мыслитель, тонкий психолог — таким предстает он в стихах, темы которых вечны: смысл бытия человеческого, жизнь природы, связь человека с этой жизнью, любовь. Эмоциональная окраска большинства тютчевских стихотворений определяется его мятущимся, трагическим мироощущением. Как жесточайшее бедствие и тяжкий грех ощущал поэт самовластье “человеческого Я” — проявление индивидуализма, холодного и разрушительного. Отсюда бессильные порывы Тютчева к христианству, особенно к православию с его выраженной идеей “соборности”, смирением и покорностью судьбе. Иллюзорность, призрачность, хрупкость человеческого существования — источники постоянной внутренней тревоги поэта. Тютчев—мятущийся агностик—в поисках устойчивого мировоззрения не мог пристать ни к одному берегу. Так, он неоднократно декларировал пантеизм (“Не то, что мните вы, природа...”, “Полдень”), но внутренней убежденности, стойкой веры в божественное начало, благотворное и разлитое повсеместно, не было. Если для пантеистического мировоззрения А. К. Толстого

характерен оптимизм, вызванный уверенностью, что “в одну любовь мы все сольемся вскоре...”, то Тютчеву перспектива “слияния” рисуется весьма безрадостно. В стихотворении “Смотри, как на речном просторе...” “человеческое Я” уподобляется тающим льдинам, которые

*Все вместе — малые, большие,
Утратив прежний образ свой,
Все — безразличны, как стихия,—
Сольются с бездной роковой!..*

Спустя двадцать лет, в последние годы жизни образ “всепоглощающей и миротворной бездны” снова возникнет в стихотворении поэта “От жизни той, что бушевала здесь...”.

В общем ряду явлений природы человек в поэзии Тютчева занимает непонятное, двусмысленное положение “мыслящего тростника”. Мучительная *тревожность*, тщетные попытки понять свое предназначение, ужасающие подозрения относительно самого существования загадки “природы-сфинкса” и наличия “творца в творении” неотступно преследуют поэта. Его угнетает сознание ограниченности, бессилия мысли, которая упорно стремится постичь вечную загадку бытия,— “длань незримо-роковая” неуклонно пресекает ее напрасные и обреченные попытки. Во многих стихах Тютчева незримо присутствует терзавшая Паскаля мысль: “Меня ужасает вечное молчание этих бесконечных пространств”. Вообще философия Паскаля чрезвычайно близка мироощущению Тютчева. В его поэзии немало образов и понятий, встречающихся у французского философа, но едва ли *не* самое основное — это убеждение Тютчева, что “корень нашего мышления не в умозрительной способности человека, а в настроении его сердца” созвучное одному из основных положений философии Паскаля: “Сердце имеет свои законы, которых вовсе не знает разум”.

Чувство тревоги особенно обостряется ночью, когда исчезает призрачная преграда — видимый мир — между человеком и “бездной” с ее “страхами и мглами”. У лишённого зрения “ночного” человека обостряется слух, послышит он “гул непостижимый” или вой “ветра ночного”, которые напоминают ему о “родимом”, но не менее от того жутком изначальном хаосе. О том, как остро ощущал поэт, что “ночь страшна”, красноречиво свидетельствует стихотворение “Альпы”, лишённое в отличие от других его произведений на тему “день и ночь” философского звучания, но тем более поражающее мрачными образами, найденными Тютчевым для спящих гор:

*Помертвевые их очи
Льдистым ужасом разят.*

В отношении к природе Тютчев являет как бы две ипостаси: бытийную, созерцательную, воспринимающую окружающий мир “с помощью пяти органов чувств”., - и духовную, мыслящую, стремящуюся за видимым покровом угадать великую тайну природы. .

Тютчев-созерцатель создает такие лирические шедевры, как “Весенняя гроза”, “Есть в осени первоначальной...”, “Чародейкою Зимою..” и - множество подобных, коротких, как почти все тютчевские стихи, прелестных и образных пейзажных зарисовок.

Аполлон Григорьев писал: <<Пантеистическое созерцание, созерцание *подчиненное*, тяготеет над отношениями к природе великорусской, но это *подчиненное* созерцание и сообщает им при переходе в творчество их особенную красоту и прелесть. •<...> В Тютчеве, например, возводит их, эти отношения, до глубины философского созерцания, до одухотворения природы>>.

Тютчев - мыслитель, обращаясь к природе, видит в ней неисчерпаемый источник для размышлений и обобщений космического порядка. Так родились стихи “Волна и дума”, “Певучесть есть в морских волнах...”, “Как сладко дремлет сад темно-зеленый...” и т.п. К этим произведениям примыкают несколько чисто философских: “Silentium!”, “Фонтан”, “День и

ночь”. Философская лирика Тютчева менее всего “головная”, рассудочная. Прекрасно охарактеризовал ее И. С. Тургенев: “Каждое его стихотворение начиналось мыслью, но мыслью, которая, как огненная точка, вспыхивала под влиянием чувства или сильного впечатления; вследствие этого, если можно так выразиться, свойства происхождения своего, мысль г. Тютчева никогда не является читателю нагою и отвлеченною, но всегда сливается с образом, взятым из мира души или природы, проникается им и сама его проникает нераздельно и неразрывно”.

Радость бытия, счастливое согласие с природой, безмятежное упоение ею характерны преимущественно для стихотворения Тютчева, посвященных весне, и в этом есть своя закономерность. Постоянные мысли о хрупкости жизни были неотвязными спутниками поэта. “Чувство тоски и ужаса уже много лет как стали обычным моим душевным состоянием” — такого рода признания нередки в его письмах. Неизменный завсегдатай светских салонов, блестящий и остроумный собеседник, “прелестный говорун”, по определению П. А. Вяземского, Тютчев был вынужден “избегать во что бы то ни стало в течение восемнадцати часов из двадцати четырех всякой серьезной встречи с самим собой”. И мало кто мог постичь его сложный внутренний мир. Вот каким видела отца дочь Тютчева Анна: “Он мне представляется одним из тех изначальных духов, таких тонких, умных и пламенных, которые не имеют ничего общего с материей, но у которых нет, однако, и души. Он совершенно вне всяких законов и правил. Он поражает воображение, но в нем есть что-то жуткое и беспокойное”.

Пробуждающаяся весенняя природа обладала чудодейственным свойством заглушать это постоянное беспокойство, умиротворять тревожную душу поэта. Могущество весны объясняется ее торжеством над прошедшим и будущим, полным забвением бывшего и грядущего уничтожения и распада:

*И страх кончины неизбежной
Не свеет с древа ни листа:
Их жизнь, как океан безбрежный,
Вся в настоящем разлита.*

Воспевая весеннюю природу, Тютчев неизменно радуется редкой и краткой возможности ощутить полноту жизни, не омраченной предвестниками гибели — “Не встретишь мертвого листа”, — ни с чем не сравнимой отрадой целиком отдаваться настоящему моменту, частности “жизни божески - всемирной”. Порой и осенью ему чудится дуновение весны. В противопоставлении, вернее, в предпочтении сомнительному райскому блаженству бесспорного, достоверного наслаждения красотой весенней природы, самозабвенного упоения ею Тютчев близок А. К. Толстому, писавшему: “Боже, как это прекрасно — весна! Возможно ли, что в мире ином мы будем счастливее, чем в здешнем мире весной!” Совершенно те же чувства наполняют Тютчева:

*Что пред тобой утеха рая,
Пора любви, пора весны,
Цветущее блаженство мая,
Румяный цвет, золотые сны?.*

На тютчевских лирических пейзажах лежит особенная печать, отражающая свойства его собственной душевной и физической природы — хрупкой и болезненной. Его образы и эпитеты часто неожиданны, непривычны и на редкость впечатляющи. У него ветви *докучные*, земля *принахмурилась*, листья *изнуренные* и *ветхое*, звезды беседуют друг с другом *тихомолком*, день *скудеющий*, движение и радуга *изнемогают*, увядающая природа улыбается *немошно* и *хило* и т.п.

“Вечный строй” природы то восхищает, то вызывает уныние поэта:

*Природа знать не знает о былом,
Ей чужды наши призрачные годы,
И перед ней мы смутно сознаем
Себя самих — лишь грезю природы,*

Но в своих сомнениях и мучительных поисках истинных взаимоотношений части и целого — человека и природы — Тютчев вдруг приходит к неожиданным прозрениям: человек не всегда в разладе с природой, он не только “беспомощное дитя”, но он и равновелик ей в своей творческой потенции:

*Связан, соединен от века
Союзом кровного родства
Разумный гений человека
С творящей силой естества...
Скажи заветное он слово —
И миром новым естество
Всегда откликнуться готово
На голос родственный его.*

Утонченный психологизм, пронизывающий творчество Тютчева как более или менее категория отвлеченная, приобретает конкретно-жизненный характер в так называемом денисьевском цикле поэта. Тютчеву было 47 лет, когда его любовь вызвала ответное и значительно более сильное чувство со стороны молодой девушки Елены Александровны Денисьевой:

*Не раз ты слышала признаньем
“Не стою я любви твоей”,
Пускай мое она созданье,—
Но как я беден перед ней...*

Поэт-мыслитель всю жизнь — от ранней юности до последних дней болезненной старости—чрезвычайно интенсивно жил сердцем. Он любил и был любим, но считал любовь чувством изначально-губительным, “поединком роковым”. Потому-то печалился он о судьбе одной из своих дочерей, “кому я, быть может, передал по наследству это ужасное свойство, не имеющее названия, нарушающее всякое равновесие в жизни, эту жажду любви...”.

Полюбив страстно и безоглядно, Денисьева всецело отдалась своему чувству, восстановив против себя общественное мнение. Ей была уготована “жизнь отреченья, жизнь страданья”:

*Таков уж свет: он там бесчеловечней,
Где человечно-искренней вина.*

Не только “свет” отвернулся от Елены Александровны, но и родной отец отрекся от нее. Главной же мукой было то, что любимый, ради которого все было принесено в жертву, не принадлежал ей полностью: Тютчев не только не порывал со своей семьей, но и продолжал по-своему любить жену, во всяком случае, дорожить ею. Весь цикл стихов, посвященных Денисьевой, проникнут тяжелым чувством вины, насыщен роковыми предчувствиями. В этих стихах нет ни пылкости, ни страсти, только нежность, жалость, преклонение перед силой и цельностью ее чувства, сознание собственной недостойности, возмущение “бессмертной пошлостью людской”. Эта “последняя любовь” Тютчева длилась 14 лет, до самой смерти Денисьевой, сошедшей в могилу в возрасте 38 лет от чахотки, течение которой обострили и ускорили душевные страдания.

*О, как убийственно мы любим!,
Как в буйной слепоте своей
Мы то всего вернее губим,*

Что сердцу нашему милей!..

Тютчев очень тяжело переживал утрату:

Жизнь, как подстреленная птица,

Подняться хочет — и не может...

Я. П. Полонскому, другу и сослуживцу, Тютчев писал: “Друг мой, теперь все испробовано—ничто не помогло, ничто не утешило,— не живется — не живется — не живется...” В стихах “денисьевского цикла” особенно часты характерные тютчевские строки, начинающиеся горьким восклицанием “О!”, определяющим интонацию отчаяния всего стихотворения. Столько страдания и муки в стихах, посвященных памяти Елены Александровны, что невольно в сознании возникает народное понятие *убивается*... Да, Тютчев именно убивается по Денисьевой:

По ней, по ней, судьбы не одолевшей,

Но и себя не давшей победить,

По ней, по ней, так до конца умевшей

Страдать, молиться, верить и любить.

Он пережил ее на девять лет. В эти последние годы Тютчев едва успевает оправляться от потерь близких ему людей: мать, брат, четверо детей...

Дни сочтены, утрат не перечесть,

Живая жизнь давно уж позади,

Передового нет, и я, как есть,

На роковой стою очереди.

Его черед пришел 15 июля 1873 года... Но остались стихи Тютчева, которые сам он так мало ценил, так небрежно хранил, полагая:

В наш век стихи живут два-три мгновенья.

Родились утром, к вечеру умрут.

О чем же хлопотать? Рука забвенья

Как раз свершит свой корректурный труд.

Однако тирания времени, которую так остро ощущал поэт, оказалась не властна над его творчеством. Конечно, совершенство формы и значительность содержания поэзии Тютчева требуют от читателя определенной культуры, просвещенности. В свое время в статье о Тютчеве А. Фет писал: “Тем больше чести народу, к которому поэт обращается с такими высокими требованиями. Теперь за нами очередь оправдать его тайные надежды”.

ЛИТЕРАТУРА

- 1.Ф.И.Тютчев. Избранная лирика. - М.,1986
- 2.А.Григорьев. Эстетика и критика. - М.,1980
- 3.А.А.Фет. Сочинения. - М.,1982